

ДВЕ ЖИЗНИ

книга, написанная мной и моим
Рубиновым Ангелом

Павел Борисов

Павел Борисов

Две жизни

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Борисов П.

Две жизни / П. Борисов — «ЛитРес: Самиздат», 2017

Эта книга - откровение Душ, оставшихся ощутимо вместе после того, как смерть унесла одну из них. Здесь нет заумных теорий. Это жизнь, какая она есть у каждого - в физическом и духовном планах, правда, разделенных неизбежными обстоятельствами влюбленных – достойная, по убеждениям, быть открытой. На страницах - «знаки», способные вызвать необходимый интерес, ощущение этой правды, какой бы невероятной она ни казалась. Все события – автобиографичные, все – в преодоление предрассудков и страхов, возникающих в определенный момент жизни. Эта книга о Любви и Вечности...

“Неумение найти и сказать правду – недостаток,
которого никаким уменьем говорить
неправду не покрыть”.
Борис Пастернак

Эта книга – откровение двух любящих Душ, которые остались ощутимо вместе после того, как смерть унесла одну из них. Безусловно, каждого человека волнуют вопросы существования Божественной Личности, жизни после смерти... В этой книге нет заумных гипотез и теорий, научных доказательств или надуманных историй по этому поводу. В этой книге жизнь, такая, какая она есть у каждого человека, проживающего её двумя ипостасями – физической и духовной... В этой книге – история неземной любви, свидетелем которой мне посчастливилось быть... любви, сделавшей возможным невозможное, и давшей нашему миру чудеса небесных откровений... Просто прочитайте эту книгу.

Сестра

СУТЬ

Вы знаете то состояние, когда совершенно, казалось бы, без причины, тебя охватывает ощущение счастья – это Божие прикосновение, когда душе приятно и комфортно, пусть на время, но именно так, в твоём брэнном теле. Это по факту победа, ты – в норме, соответственно – у тебя все в порядке. С определенного момента я перестал ощущать подобное... И ты понимаешь почему... – тебя нет рядом... Ладно, ладно, я знаю, что если буду настаивать на этом, ты в очередной раз сможешь показать, что все не так... Но, прости... только косвенно мне, отсидившему свое мягкое место в кресле, но по настоящему-то только ему, моему внутреннему духовному человеку, которому ты не переставала являть свое чудесное лицо и нежные ласки. Как же я завидую ему! Потому что здесь продолжаю ловить воздух пустыми руками. Не надо меня убеждать в том, что мы живем в двух ипостасях, в двух параллельных жизнях, которые плотно переплетаются... Я помню, ты мне рассказывала свой сон, когда увидела девушку с ногами, уходящими в землю, как корни, и волосами, распущенными в небо... Вот, вот, именно так, эти две жизни, – как единое целое. Ну, а зарождение новой жизни? Именно в центре, там, где эти две жизни переплетаются и рождается удивительное существо, единое в двух своих проявлениях -ЧеловекоДух... Это мне настолько понятно... во многом – благодаря тебе, милая. Но, ведь ты сейчас можешь делать то, что заставляет меня, бесконечно сомневаясь, что так характерно моей нынешней природе, доказывать себе реальность происходящего... Происходящего со мной того нереального, что так нехарактерно для нашего «реального» мира... И о чем, собственно, я, несмотря ни на что, постоянно прошу тебя: «Давай мне Знаки, милая...». Эта длинная и, наверное, не сразу понятная фраза – не стилистическая муть, нет! Это суть нашей с тобой книги, родная. Ни единого слова не появится в этой книге без твоего согласия и участия, хотя ты и не сидишь теперь рядом со мной в кресле, смотря сегодняшние душещипательные российские фильмы или блестяще, чего у тебя было не отнять, разгадывая бесконечные кроссворды, сканворды и не знаю какие еще там «ворды». Однако, "доставая" иногда меня своими по этому поводу вопросами... Господи! С каким наслаждением я бы сейчас отвечал на них – сутками!..

Увы...

Слава Богу, большая часть жизни прожита, и большая из этой части – с тобой! 42 года – не шутка... И уж конечно, не так много осталось до нашей с тобой встречи... Прости меня за эгоизм, но все равно тебе не хватает на этом материальном уровне, прости, что все равно мне плохо без тебя с моими примитивными глазами и ушами, грубыми нечуткими руками... Кожа! Слава Богу, что у меня есть кожа, вот здесь – на лице и губах, чувствующая удивительное

тепло от твоих губ на фотографии, которая стала порталом, соединяющим наши Души. Да, и не только их, но таким непостижимым образом и наши с тобой «тонкую» и «грубую» сущности...

Любимая моя!

Все! Кажется, наступило некоторое эмоциональное равновесие, и мы с тобой можем начать писать нашу книгу, нужную, я убежден в этом – она должна помочь тем, кому необходимы эти знания, как мне твое доброе присутствие, во многом, собственно, и открывшее мне эти знания. Во многом, благодаря тебе, я сейчас не так уж и «груб» и чувствую возросшую силу своего внутреннего духовного человека, который переживает в моем теле коллизии, выпавшие в этой жизни мне, а посему и его тонкой сущности... – нам, как ЧеловекоДуху. Мне – «материальные шишки» – ему духовный опыт, а суть единому целому – все вместе...

Пограничное состояние... у меня сейчас... и к этому прийти нужно было...

НЕУЖЕЛИ Я РОДИЛСЯ

на свет только для того, чтобы, в конечном счете, написать с тобой эту книгу?.. Все мои движения... Мои таланты и достижения... Какие люди шли мне навстречу... Шли для того, чтобы изменить мою судьбу... Что остановило? Ты! Вернее, наверное, то Знание, которое во мне уже существовало... Ведь тогда наши отношения были еще не определены... Просто любовь! Нет! Твоя неземная Любовь! За что мне дано было такое счастье? Бог временами что-то уравнивает в этом мире. Это именно тот случай... – мои муки... они были ужасны... Я хватал воздух пустыми руками... Я не мог есть, я не мог спать, я пил, тупо пил, пока ты не сожгла свою фотографию. Именно тогда впервые проявилась для меня твоя сила, мой Рубиновый Ангел...

Любимая моя, тебя здесь нет.

Возможно, что тебя здесь и не будет.

Возможно, не родишься вновь на свет,

И этот свет тебя, увы... – забудет...

По сути – это ведь его беда...

А ангелам никак нельзя сдаваться...

Они среди нас, в том месте и всегда,

Где может нить судьбы, не дай Бог, оборваться...

Незримые они, а ты была со мной,

Всю жизни мою, сомненья нет... – наградой...

За что ты мне была дана судьбой?

Любовью и духовною оградой,

От стрел, что бьют в ночи и в свете дня,

Рубиновый мой ангел, и поныне,

Там, где сейчас – ты помнишь про меня...

Я это знаю... – будь я хоть в пустыне...

И там ты мне найдешь глоток воды,

И там ты дашь мне знак на утешенье...

К тебе приду – про то мне скажешь ты,

Когда Господь свое даст разрешенье...

Я молился на эту фотографию... Я превратил ее в икону... Перед ней постоянно горела свечка. Зажигал я огонь каждый раз со словами: " Это мой свет к твоему свету, в котором ты сейчас... ". В тот вечер свеча уже догорела, оставался маленький в спичечную головешку голубенький огонечек в металлической чашечке на подставке, на самом доньшке. Тогда я сказал

тебе: "Милая, сегодня я уже больше не буду ставить свечку, я поставлю ее завтра с утра...". Еще поговорил с тобой, порыдал, помолился и свалился на диван "замертво"...

Среди ночи меня, плавающего в пьяных кошмарах и бреднях, не способных до конца погрузить в забытье, "растолкали"... В комнате полыхало пламя, фотография, большая старая фотография, твой фотопортрет уже сгорел... Не знаю, как еще при таком огне осталась неширокая нижняя кромка. Я зачем-то выхватил ее из пламени... Уже полыхала шахматная доска, на которой стоял портрет, заходились обои... Я схватил что-то, кажется покрывало, стал сбивать пламя, потом накрыл, потушил, сбегал в ванную, прилил тление – дыму кошмар. Открыл окна насквозь. Ночь... Хорошо соседи ничего не ведали... А вот потом начало приходить осознание – оно было ужасным. Я вновь готов был рыдать – как?! Сгорело такое дорогое – фотография моей любимой, какой ужасный знак!.. А потом... Я вдруг понял, что на самом-то деле произошло... Да, да, ты мне сказала, и как сказала: "Хватит, нет меня уже здесь на этом плане, нет!.." И это, действительно, был Знак...

Потом были поминки – девять дней. Все прошло хорошо – тебя все очень любили... Я опять изрядно выпил, а когда пришел домой, встал перед твоей фотографией – той самой, которая сгорела, перед ее сканированным клоном (хорошо, что я его сделал) – на колени и буквально завыл... – я больше так не могу, я сопьюсь, я помру... И дело ведь не в том, что боялся этого, нет! Может быть, даже хотел, прости меня, Господи – к тебе, к тебе, милая... Взмолился, потому что понял, что это будет самой большой и, понятно, что последней слабостью в моей жизни... Ты всегда полагалась на мою силу, а возможно просто мудро формировала во мне это, такое необходимое каждому мужчине качество... Наверное, именно это и остановило меня в тот момент и, теперь-то я это знаю – твое активное вмешательство, родная. Со следующего дня я забыл, что такое пить. Нет, сейчас-то, по прошествии времени, уже бывает, но в разумных пределах.

Эта книга в добрые назидания...

С этого они и начались.

Я помню, как незадолго до "События", а сейчас я понимаю, что это – действительно было главное событие в моей жизни, потому что тогда я ощущал, что жизнь-то по существу закончилась... Это позже я понял, что она все же продолжается, просто разделилась как бы на две части – до и после – одну счастливую – с тобой, другую – сложную – без тебя... Так вот я помню, ты сказала: "...когда человек болеет, организм четко показывает, что ему не нужно или вредно...". Я помню, как вошел в палату, только что затушив перед этим сигарету, и как ты отправила меня в санузел чистить зубы – этого запаха ты уже переносить не могла...

Вот! Что мне было трудно сделать, так это бросить курить. Сколько раз пытался – хватало только до вечера, потом внутри что-то начинало шебаршить и ломаться... На этом весь опыт и заканчивался – ааа... – в следующий раз... Ну, а здесь – совершенно нереально... Вчера в пьяном угаре и безысходности – сегодня в здравом состоянии что-то для себя решить на будущее... Уже победа, потому как таким образом возвращаешься в реальность! По сути, вылет из алкогольного штопора – настоящий шок, просто полный... как?.. Но! Случилось... Поэтому-то и говорю: "Родная, а курить бросить?" Вопрос задан – вопрос повис в воздухе...

На следующий день я не взял в рот ни одной сигареты.

Мой Рубиновый Ангел! Вот так я и привязал тебя к себе, вот так я и привязал тебя к этому миру, любимая! Пока я здесь живу... Как, собственно, привязаны все Святые в этом пронизывающем Дух и Материю Мире – нашими бедами и надеждами...

Так вот о книге... Она будет написана. И, в принципе, наверное, на этом в дальнейшем можно было бы и закончить... Закончить все... здесь... ан!.. знаю, милая! Ведь при тебе все создавалось, нет! – рождалось... Эти проекты... Они должны появиться на свет. Ведь ты была и первым моим слушателем и читателем, и первым добрым критиком, ты, ты, ты... не уйду... – все, как скажешь, любимая...

Как же мне трудно без тебя...

Ты мне наказала писать... Да нет! Пожалуй, вернее будет сказать, я вместе с тобой, или благодаря тебе почувствовал эту необходимость... Потому-то и обозначено на обложке – "книга, написанная мной и моим ангелом". Я есть – форма, ты – содержание... "Tak, to prawda..."

А КСТАТИ –

ты приняла мою некую причастность к этой национальности. Именно приняла, потому что хотя и имела польскую фамилию, принадлежностью к естественному, отдельному и уникальному пласу, который отведен каждой нации в этом мире, считала нечто большее, чем просто фамилия... Хотя, ведь ты нас сделала католиками по вероисповеданию, сказав однажды, побывав на католической мессе: "Я хочу сюда..."! После того, как с алтаря прозвучало: "Мир Господа нашего да пребудет всегда с вами... Приветствуйте друг друга с миром и любовью..." И потянулись в зале глаза и улыбки от одного к другому и от всех к каждому, и руки... Мне сейчас кажется, что возможно именно тогда ты почувствовала некие вибрации, какую-то энергию своей высокой принадлежности к Миру в этом мире. Вот и все – как просто!.. А какие проблемы были у меня, когда моя милая мамочка сказала мне: «...Как же так? Ведь мы же с тобой Там не встретимся...». Конечно же, тогда она еще не понимала по сути чего-то, хотя в ней и просыпалась настоящая вера!.. Ну, а я? Я давно уже чувствовал себя неким миротворцем, ощущавшим всю суть происходящих внутри нас – как бы Верующих людей, процессов – близких мирскому и зачастую – довольно чуждых истине... вере... Тогда я постарался мягко успокоить мамочку – мы с тобой христиане, мы с тобой во Христе, ну, или хотя бы возле Него, так как же мы можем не встретиться...

Что же касается нашего с тобой вероисповедания, милая, то ему давно уже было чуждо мирское разделение Церкви Христовой... Ну, да ладно... – вот уж где уместно известное – "Бог им судья..."

У нас был очень суровый Настоятель – отец Кшыштоф. Нашу веру он испытывал очень долго, не подпуская к статусу – католики, пока мы не повенчались в храме, поднятом из руин им самим. Но! У меня сложилось впечатление, что у отца Кшыштофа было к нам какое-то особое отношение, потому и состоялись, по всей видимости, эти временные "оковы" для нас. Тогда же однажды мне удалось буквально на мгновения как бы сбросить оковы и с него, оковы должностной необходимости – нет, я имею в виду не обязанности должностного лица, а именно это очень тяжелое понятие и бремя – "должен...". Просто я ему рассказал случаи, произошедшие со мной в Церкви. В моей повести "Вирус ненависти" об этом рассказывает священник, как о событиях, случившихся с ним самим. Недолго думая, вставим этот отрывок сюда:

– Однажды я стоял в жуткой душевной тоске в Церкви и почувствовал, как кто-то ошутимо-реально погладил меня по голове... Я стал чаще ходить в Церковь. Другим толчком послужил случай, когда я стоял перед иконой Николая Чудотворца, и что-то такое мощное на меня нахлынуло, что я не мог оторваться от Его глаз, наверное, не менее получаса. Я стоял и плакал – и слезы эти были такими благодатными – будто очищали мою душу. Мне кажется, что даже наши, часто, увы, беспардонные бабки свечницыни разу меня не потревожили. А однажды, я стоял в Церкви справа, недалеко от алтаря. Шла служба, но тогда я еще не до конца вникал в ее смысл и закрыл глаза, молясь о чем-то своем – и странным образом для меня ничто не изменилось – как будто я продолжал все видеть: и священника, который вел службу, и дякона рядом с ним, и головы стоящих впереди прихожан. Только справа от меня, прямо перед иконой Иверской Божьей Матери – как будто открылся проход – я увидел свет от распахнувшейся за поворотом двери и услышал чьи-то голоса. Из прохода появился Он, за Ним шли люди в белом. Все было настолько реально, что я до сих пор помню каждую мелочь... Я помню, например то, что увидел тогда не привычную по иконам белую тогу, а несколько другое бело-

снежное одеяние и как деталь его – нечто похожее на спадающие складками шаровары, обвязанные вокруг ног – у щиколоток. Я очень хорошо это рассмотрел, потому, что в этот момент опустил глаза к его ногам. Он был бос – и надо было видеть красоту этих ног, когда Он шел. Он повернул лицо налево, ко мне, что-то говоря идущему за ним человеку, сделав при этом плавное движение рукой – и было в том столько изящества... Какая красивая рука... А само лицо – оно было просто чудесным в мягкой открытой улыбке... Кожа... – это была бархатная кожа младенца. А нежный румянец на щеках... Именно тогда я понял, почему за ним так шли люди. Это не только его удивительное Слово, но и сама внешность – столь чистая, прекрасная и... непорочная, что в своем вечном и таком неизбывном стремлении к внешней и внутренней чистоте и красоте, люди видели и чувствовали в Нем его Божественную Необыкновенность... – Я пошел за Ним... – просто закончил священник».

Отец Кшыштоф слушал очень внимательно, затем грустно улыбнулся и сказал: "Но, ведь не все пошли...", а на мое, вполне осознанное заявление, что нам всем не хватает веры, согласно кивнул головой... Вот так... – лжи или лицемерия он тогда бы не принял... Так вот и получается – действительно считал, что веры не хватает и ему... Это ему-то ее не хватало! При всем подвижничестве в возрождении храма, в его строжайшем монастыре... Ах, с каким восхищением мы все смотрели на молодую красавицу-монахиню, приехавшую как-то на время в наш приход. А затем, с еще большим восхищением или... жалостью, смотрели на нее, узнав, что она постриглась в монахини из-за неразделенной любви к нашему Кшыштофу. Да и правильно ли здесь будет сказать «неразделенной», потому как от такой чистоты, красоты и нежности вряд ли отказался бы какой мужчина, просто он, посвятив свою жизнь Служению, нашел в себе силы отказаться от этой любви. И по сути это ужасно, в нашем-то понимании... Но! To jest Krzysztof... И вот здесь... не знаю... в праве ли, но! Должен, да, конечно же, должен, и опять же в назидание...

Прости, наш добрый суровый отец – тебе-то, я знаю, это не так уж и важно, озвучены ли твои проблемы публично...

Сбил бабульку, сбил насмерть – старую бабульку, которая и переходила там, где не положено, и видела-то, наверное, плохо... Возможно, виноват и ты, отвлекшись на что-то – по большому счету это не имеет значения для нашего расследования... а вот что имеет... То, как ты воспринял этот грех, эту совершенно непоправимую ситуацию, хотя тебя-то по факту оправдали. Но! Это в нашем материальном мире, а в духе – я представляю, дорогой пастырь, как ты отмаливаешь этот грех в Америке, куда тебя после всего отправил Ватикан...

Понятно, почему в назидание? Любой грех может быть отмолен, если... – опять же к нему, к нашему незабвенному пастырю, если это делать так, как отмаливает свой грех Кшыштоф!..

Кстати, моя хорошая, как ты любила отца Кшыштофа...

И опять – "кстати" – как же часто будет звучать здесь это слово...

Кстати, наверное, пора сказать, что при дальнейшем чтении нашей книги может возникнуть ощущение нереальности наших откровений или некой мистификации... Так вот – все в ней правда от начала и до конца. А эти рассуждения – лишь некая попытка немножко подготовить что ли... Вся суть в том, что сегодня к нам, благодаря тому, что было и есть с нами, пришла вот такая добрая возможность, несмотря на все существующие запреты, сказать что-то по-настоящему важное... И пусть какая-то истина вольется в этот Мир через нас... Несет... нас... – это не только я пишу... это ты, возможно и с тобой кто-то... но, прочитал – мне нравится... так и будет... Истина! Yes! Да, конечно же, для всех языков... – какая разница...

НЕУЖЕЛИ ТЫ РОДИЛАСЬ

на свет только для того, чтобы написать со мной эту книгу?..

Улыбаюсь... улыбаюсь сквозь слезы... Теперь-то понятно, что нет... Ты лишь, может быть в очередной раз, посетила нашу планету и... в этот раз – зажгла свет в моем сердце. Ведь не зря мне пришло в голову это слово – "Свет", когда я создавал фильм-память о тебе – моей, земной, такой родной и близкой... Пишу и плачу... Как бы мне хотелось, чтобы именно я был единственным избранным, но... – это одно из твоих необходимых, привычных светлых дел, которые ты совершаешь в своем головокружительном полете через время и пространство, мой добрый Рубиновый Ангел!.. Хотя! Я уверен в твоей Любви – о Ней можно писать только с большой буквы, и о том, что мы теперь, а возможно и были – всегда вместе...

ТЫ ПОМНИШЬ, Я ПРИШЕЛ

накануне и сразу пошел в ординаторскую... Вернулся к тебе, вдохновленный беседой с врачом о твоей прекрасной "динамике" и возможности дальнейшего курса лечения. Ты встретила меня улыбкой: «Ну, что сказал (Он), сколько мне осталось?..»

– Да ты что!» – воскликнул тогда я, – мы тебя вылечим!.. И начал вдохновенно рассказывать о планах... а потом вдруг сказал... – это я позже только понял, что же я сказал...: "А что ты, собственно, переживаешь, ведь мы с тобой все равно в Вечности!.." Это была величайшая бестактность с моей стороны, но и величайшее провидение! Ты не обратила внимания на первое – для тебя был важен именно этот Смысл... Какие "небесные" глаза устремились мне навстречу... и... лишь одно слово, произнесенное с выражением, которого я не забуду никогда: "Да?!.."

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.